

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ФОТОГРАФИЯХ
РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ
КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ РАН)¹**

Представленная работа построена на некоторых результатах изучения фотоколлекций отдела Центральной Азии МАЭ РАН конца XIX - начала XX вв. Из огромного массива иллюстративного фонда выделены изображения, связанные с положением женщины оседлого населения Центральной (Средней) Азии. Они представляют собой одиночные и групповые портреты. Отдельные изображения показывают женщин из гарема и обительниц местных публичных домов. Среди коллекционных изображений особое место занимают фотографии мальчиков-*бачей*, переодетых в женские наряды.

Конечно, сюжеты подобного рода приковывают к себе внимание. Проблема, однако, в том, что эти снимки в абсолютном большинстве «немые»: они не содержат достаточной для исследования информации. Это обстоятельство заставило автора вести длительную поисковую работу путем изучения литературы, публикаций периодической печати и архивных материалов. Совокупность собранных данных позволила почувствовать в отмеченных группах изображений отражение некоторых специфических проявлений женской деятельности, когда-то породившей в центрально-азиатском обществе такие институты, как проституция и гарем.

Следует отметить, что подробности частной жизни двора среднеазиатских правителей и их окружения вплоть до 1920-х гг. держались втайне. В 1940-х гг. М.С. Андреев сумел собрать и опубликовать сведения из бесед с очевидцами о некоторых сторонах жизни бухарского Арка². К сожалению, подобные обобщающие работы о жизни хивинского и кокандского дворов отсутствуют. Отдельные сведения на эту тему разбросаны по многочисленным публикациям русскоязычных авторов данного периода. В качестве сравнительного источника для изучения гарема и двора среднеазиатских ханов привлекаются работы, посвященные придворной жизни монархов Турции³.

В анализируемых явлениях интерес представляет то обстоятельство, что феминный гарем при дворах ханов и эмиров соседствовал с другим — маскулинным институтом, получившим название *бача* (безбородый красивый мальчик или юноша, в костюме, прическе и вообще в чертах внешнего облика и поведении подражавший женщинам). Все это определяет задачу работы — рассмотреть в первом приближении существование названных институтов в едином блоке проблем, подойдя к ним как к одному и тому

же явлению в социальном и мировоззренческом аспектах, отражающих картину мира высших слоев центрально-азиатского общества интересующего нас периода. Стоит отметить, названные институты в своем классическом виде исчезли не сами по себе, а под воздействием колонизации Центральной Азии, отменившей власть ханов, последовавшим вслед за этим свержением бухарского эмира уже вследствие октябрьских событий 1917 г. в Петрограде.

Поэтому кажется уместным разговор о частной жизни двора центрально-азиатских правителей вести в рамках представленного сборника, в фокусе которого — традиция в условиях исторических перемен. Предлагаемая работа не преследует цели осмысления рассматриваемого феномена. На этом этапе автор нацелен на изложение материалов. Их анализ — задача будущих исследований.

Начинаем с фотографий, на которых, как нам кажется, запечатлены обительницы местных публичных домов.

I

Наиболее ранними изображениями музея, на которых показаны женщины оседлого населения, являются фотографии с рисунков художника В.В. Верещагина [МАЭ. Колл. И-674 – 127, 129], вошедшие в альбом «Туркестан». Он был издан в 1874 г. в Петербурге. Рисунки для него предположительно были выполнены В.В. Верещагиным во время его первого пребывания в Туркестане в 1867 г.

На черно-белых портретах у женщин открыты лица. Показаны, главным образом, головные уборы, часть причесок, если волосы были видны из-под платков, из украшений — ожерелья. Эти детали говорят о том, что художник стремился передать антропологический типаж представительниц местного населения. Как отмечал сам художник, многие сюжеты своих произведений он воспроизводил по памяти, т.е. ему не всегда позировали модели⁴.

Первые фотографические изображения женщин оседлого населения вошли в знаменитый «Туркестанский альбом», больше известный как альбом Кауфмана, который поступил в МАЭ в 1874 г. [МАЭ. Колл. И-674, И-1718]. Том альбома представляет собой большого формата (36×54×4 см) картонную папку с вложенными в нее картонными листами с наклеенными на них фотографиями. Дополняет «Туркестанский альбом» коллекция фотографий (размером 13×18 и 18×24 см) из собраний МАЭ [МАЭ. Колл. И-1718], выполненных с подлинных стеклянных негативов.

На нескольких снимках лица женщин закрыты специальной уличной одеждой. Так, на одной фотографии группа мужчин и женщин позируют фотографу Г.Е. Кривцову для «Туркестанского альбома» перед началом судейского разбирательства. На всех трех женщинах в кадре надета *панджа*, обязательная для выхода на улицу [МАЭ. Колл. И-1718 – 98]. На

другом снимке альбома женщина сидит верхом на лошади за спиной мужа в этой же уличной одежде [МАЭ. Колл. И-1718 – 73].

На одном из снимков фотографа Н. Ордэ «Бухарская детская *арба*» [МАЭ. Колл. 255 – 166] в кадре — девочки с открытыми лицами; с головного убора спускается белая кисея, которой в случае необходимости можно было прикрывать лицо.

На остальных фотографиях как «Туркестанского альбома», так и в других фотоколлекциях рассматриваемого периода женщины сняты с открытыми лицами.

На фотографиях альбома «Типы народностей Средней Азии» (размером 26,5×19×5,5 см), который был составлен в 1876 г. В. Козловским [МАЭ. Колл. И -2205], все поясные женские портреты выполнены в двух вариантах: в фас и профиль, чтобы продемонстрировать не только антропологический типаж, но и прически. Здесь женщины присутствуют не только с открытыми лицами, но и без головного убора.

А. Шишов писал, что голова женщины должна была быть всегда покрыта платком, завязанным сзади таким образом, чтобы оба его конца были видны. Утром женщина, пригладив волосы рукой, накидывала на голову платок. Особенно большим грехом для женщины было находиться без платка в той комнате, где имелся Коран, тем более во время его чтения. Многие женщины даже ложились спать в платке⁵ (рис. 1⁶).

Увидеть местную женщину с открытым лицом постороннему мужчине было невозможно. По признанию одного из приезжих русских авторов, путешествовавших по Бухаре, чтобы рассмотреть домашний наряд *сартянок*, ему приходилось осторожно заглядывать «во внутренние подворотни через щели ворот или низкое место стен»⁷.

Писатель В.В. Крестовский, побывавший в Бухаре, подчеркивал разницу между поведением женщин в столице эмирата и в так называемом Русском Туркестане. В качестве примера крайне свободного поведения ташкентских *сартянок* он привел следующий эпизод: «Они нанизывают все плоские кровли своих домов и толпятся в дверях и даже на улицах, а которая хорошенькая, так возьмет еще да будто бы нечаянно забывшись, и отведет с лица свой «*чимет*» и раздвинет полы «паранджи» — «на мол, кяфырь, полюбуйся!»⁸. Даже «уже попривыкшие к русским» жительницы Ташкента все равно не позволяли себе оставаться с открытыми лицами.

В процессе изучения первых иллюстративных коллекций музея с изображениями женщин невольно возникает вопрос: почему на снимках у мусульманок равнинных районов открытые лица и отсутствуют головные уборы? Ведь их фотографировал посторонний мужчина, иностранец. На многих женщин, позировавших русским фотографам, в качестве головного убора одета тюбетейка [МАЭ. Колл. И-1718-302, 303, 305].

По мнению Е.М. Пещеревой, женщины начали носить тюбетейки с 1920-х гг., т.е. с того времени, когда стали снимать паранджу. До этого времени

надевать женщинам тюбетейку считалось неприличным⁹. Женским головным убором полностью скрывали волосы. Содержание женщин в помещениях, недоступных для посторонних мужчин, ношение одежды, закрывающей лицо, шею, руки, «свято соблюдалось в быту среднеазиатских народов»¹⁰. На основании этого можно сделать предположение, что на снимках первых иллюстративных коллекций музея в качестве фотомоделей, демонстрировавших с открытыми лицами, без головных уборов или в тюбетейках, одежду, головные уборы, украшения, прически и т.д., выступали местные проститутки. Наличие в фотоколлекциях музея снимков подобного характера позволяет коснуться вопроса существования в среде оседлого населения этой категории женщин.

По наблюдениям путешественников XIX в., которые в своем большинстве были мужчинами-европейцами, немало туркестанских женщин занималось древнейшей профессией. Некоторые авторы считали, что проституция в крае возникла лишь с приходом русских: «Ко всем порокам, гнездящимся в недрах правоверного мусульманства, прибавляется еще два: проституция и пьянство. В Самарканде существует целый квартал, в домах которого проституция обратилась в профессиональное занятие»¹¹. В Бухаре проституция запрещалась под страхом быть обезглавленной. По литературным источникам известно, что в соседних по региону странах, таких как Турция в 1830-е гг., были содержательницы публичных домов, а в консервативной Персии была широко распространена проституция. Состоятельные люди нанимали проститутки на несколько суток. Их могли также держать под видом горничных и служанок¹².

А. Дониш, характеризуя времена эмира Музафара, осуждал образ жизни правителя, который основное время проводил среди своих жен, танцоров, музыкантов и актеров. Надоедавших ему жен или наложниц эмир продавал (например, дипломату Н.П. Стремоухову предлагали купить четырех жен эмира по 150 руб. за каждую) или награждал ими своих приближенных. Случалось, что Музафар в сопровождении огромной свиты и охраны выезжал на некоторое время в степь. Тогда по желанию эмира в лагерь доставляли проститутки¹³, что указывает на бытование этого института среди оседлого населения в доколониальный период, до появления русских. Кроме того, можно предполагать наличие в среде этой категории «элитарных» женщин, которые обслуживали верхушку общества.

В колониальное время в некоторых городах проституция существовала открыто: «Так, в Ташкенте проститутки не закрывали лица, их постоянно можно было увидеть прогуливающимися по улицам или проезжающими на повозках на пикники или места отдыха. В Самарканде проститутками официально могли стать достигшие 15-летнего возраста, но многие скрывали его и могли начать это занятие и в 10 лет, они также не закрывали своих лиц, у них были свои районы с борделями, с песнями и танцами»¹⁴.

В. и М. Наливкины, отмечали, что в Ферганской долине в 80-х гг. XIX в. открытых проституток называли *джаляп* (проститутка), тайных — *купия* (тайная), без прибавления слова джаляп; таким образом, купия как бы не признавалась за проститутку. Они писали, что тайная проститутка произвела за последние 3-4 года бескровную революцию в среде значительной части мусульманского населения: «Она совсем почти изгнала бачей (мальчиков-проституток). Редкая приятельская мужская вечеринка обходилась теперь без нее; она появляется здесь то в качестве плясуньи, то просто в роли дамы легкого поведения. На таких вечеринках <...> можно встретить в настоящее время представителей и туземной администрации, и крупного туземного купечества, и иногда даже туземного духовенства»¹⁵.

Несколько портретов женщин из г. Оша поступило в музей в составе коллекции Лютче в 1899 г. [МАЭ. Колл. 512 – 137, 138]. На них также надеты тюбетейки. На одном из снимков несколько женщин демонстрируют разные варианты домашней и уличной одежды [МАЭ. Колл. 512 – 142] (рис. 2)¹⁶.

Фотографии известного фотографа С.М. Дудина были сделаны им в Андижане в конце XIX - начале XX вв. Свои портреты он подписал: «Женщины из публичного дома [МАЭ. Колл. 4516 – 56, 73, 74, 76]. Задачей С.М. Дудина было в первую очередь показать антропологический типаж женщин в фас и профиль. На фотографиях видны их прически, головные уборы — тюбетейки либо платок, свернутый жгутом и повязанный на лбу.

В 1894 г. в музей поступила фотоколлекция от Н. Ордэ. На снимке под названием «Бухарцы» [МАЭ. Колл. 255 – 167] изображена молодая женщина с двумя сидящими рядом с ней мальчиками (рис. 3)¹⁷. Здесь представлен редкий изобразительный материал по одежде. Снимок Н. Ордэ иллюстрирует полевые материалы исследователей более поздних лет по истории бухарского костюма¹⁸.

На снимке Н. Ордэ «Бухарцы» молодая женщина правой рукой опирается на вышитую подушку и держит *чили́м* (прибор для курения). Его обычно делали из особого вида тыквы-горлянки, *чили́м-каду*. По форме он напоминал грушевидный флакон, который вставляли, как показано на снимке, в медную оправу. Иногда корпус чилима изящно украшали бирюзой, сердоликом, серебряной инкрустацией и пр. В некоторых случаях чилимы делали из меди, сохраняя грушевидную форму, и украшали серебром, чеканными узорами. В случае необходимости чилимы носили с собой.

В литературных источниках содержится незначительное количество сведений о курении табака местными женщинами. Кокандский уездный врач С. Моравицкий отмечал, что местные женщины и юноши употребляли наркотики редко, так как это строго запрещалось. Он собирал сведения о распространении наркотиков среди местного населения по указанию туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и при финансовой поддержке губернатора Ферганской области А.К. Абрамова. В 1885 г.

С. Моравицкий писал об «обычае, распространенном среди женщин больших городов в Фергане, именно о курении в чилиме «мазы»¹⁹. Это вещество получали из дубильного ореха, который продавался на базарах, толкли в порошок и курили вместе с табаком. С. Моравицкий отмечал, что в некоторых случаях это вещество использовали в медицинских целях, а «у курящих «мазы» женщин будто бы делается особенно узкой вагина»²⁰. Нередко вместе с «мазы» курили *анашу*. Особенно распространено это было среди местных проституток²¹.

Из наркотических средств, употреблявшихся местными женщинами, в литературе конца XIX в. упоминается также смесь «*гюль канд*», которую готовили из анаши с бараньим салом и сахаром. Она имела вид твердой сахаристой массы: «Это любимое лакомство местных женщин, раз его отведавших»²².

По сведениям А.Л. Крутые, которая выросла в одном из турецких домашних гаремов, женщины курили все и очень много, но не в присутствии мужчин. Курили только высококачественный табак. Считалось, что курение из длинного чубука и кальяна придавало особую элегантность этому занятию²³.

Кроме фотографии молодой женщины на снимке «Бухарцы» Н. Ордэ выполнил целый ряд женских портретов. Многие из них изображены с непокрытой головой [МАЭ. Колл. 255 - 58, 59, 124, 125] (рис. 4)²⁴ либо в тюрбетейках [МАЭ. Колл. 255 - 128] (рис. 5)²⁵. Похоже, что ему и другим российским фотографам того времени позировали только женщины определенного социального положения, что не вызывает большого удивления. Для проведения первых фотографических работ и составления таблиц с данными антропологических измерений среди коренного населения Средней Азии и Казахстана исследователи работали с определенной группой населения — заключенными и проститутками²⁶. Возможно, поэтому некоторые русские, побывавшие в крае в числе первых, были невысокого мнения о тех местных женщинах, с которыми им приходилось иметь дело: «Сальности, которые говорятся между самыми лучшими туземками округа, едва ли когда могут быть произнесены самыми отпетыми мужчинами европейцами»²⁷.

На снимках Н. Ордэ «Маргелан. Сартянки на своей половине» и «Сартянки» [МАЭ. Колл. 255 - 126, 127] фотограф показал досуг местных женщин (рис. 6)²⁸. В первом случае группа девушек в разноцветных шелковых рубашках с длинными рукавами и шароварах, с тонкими косами, с большим количеством нагрудных и шейных украшений сидит перед достарханом. Во втором — женщины находятся во дворе дома на специальном возвышении. От лучей солнца их защищают ширма и обширный натянутый навес. Расстеленные скатерти завалены горами лепешек, сладостей и фруктов. Здесь же находятся музыкальные инструменты. У женщин обеих групп либо непокрытая голова, либо надеты тюрбетейки. Н. Ордэ хотел

изобразить одно из традиционных женских коллективных угощений (рис. 7)²⁹.

В литературе существует незначительное количество отрывочных описаний женских коллективных сборов в рассматриваемый период. Отдельные сведения содержатся о своеобразных женских «пирушках», «где допоздна не умолкали звуки бубна и не затихали шумные танцы и песни». Например, в Ферганской долине на них собирались жены, чьи мужья в тот же день посещали один и тот же «мужской дом»³⁰.

Из групповых женских портретов выделяются несколько фотографий Н. Ордэ, связанных с социальным положением женщин. Одну из них он подписал: «Самарканд. Публичные женщины» [МАЭ. Колл. 255 - 113] (рис. 8)³¹. На ней четыре девушки сидят на полу, одна из них курит чилим. Пятая стоит у них за спиной. У двоих повязаны платки концами назад, у остальных видны растрепанные волосы. Любопытны также их позы. Существовали определенные этикетные нормы. Женщины обычно сидели, поджав обе ноги в одну сторону, либо одну подгибали под себя, а второй, согнутой в колене и прикрытой полой одежды, опирались о пол. Поза, в которой сидят обитательницы публичного дома на фотографии Н. Ордэ — калачиком, считалась мужской. Прически, отсутствие головных уборов, позы, в которых сидят женщины, подтверждали правильность аннотации фотографа.

В результате изучения содержания иллюстративных коллекций и опубликованных материалов стало очевидным, что для создания большинства коллекционных изображений позировали местные проститутки. Портреты этой категории женщин входят в состав наиболее ранних коллекций. Литературные источники также дают возможность предположить, что институт проституции существовал среди оседлого населения в доколониальный период.

II

Привлекает к себе внимание фотография Н. Ордэ «Сартянки. Стирка белья» [МАЭ. Колл. 255]: пять женщин сидят около водоема и стирают в тазах. Очевидно, что это те же персонажи, которые сфотографированы на предыдущем снимке. В Российской Национальной библиотеке сохранился полный фотоальбом работ Н. Ордэ. При сравнении снимков этого альбома с фотоколлекциями Н. Ордэ из собраний МАЭ стало очевидным, что в альбоме содержатся те же фотографии, что и в музее. Но в альбоме автор назвал фотографию «Сартянки. Стирка белья», на которой изображены женщины со снимка «Самарканд. Публичные женщины», иначе: «Женщины из гарема эмира». Фотограф перепутал две категории женщин, возможно, потому что у обитательниц гарема также было много забот: уборка, стирка, штопка, приготовление пищи и т.п.

В коллекции Н. Ордэ содержится редкая фотография — «Кокандская ханша Худояр-ханым» [МАЭ. Колл. 255 - 154], по которой можно составить представление об одной из обитательниц кокандского гарема — жене хана Худояра (рис. 9)³². В отличие от турецкого порядка, при котором титул султанш предназначался только матери, сестрам и дочерям монарха, судя по названию портрета, в Коканде ханшей становилась жена хана.

Трудно представить себе жизнь среднеазиатского гарема, которая была окутана непроницаемым покровом тайны. Литературные сведения содержат преимущественно описания обычаев турецких гаремов. Из всех восточных народов лучше других европейцам были известны турки. Турция поддерживала с Европой тесные и продолжительные контакты начиная с XVI в. Один из результатов этого — более или менее подробное знакомство европейцев с турецкими социальными институтами, в частности собственным гаремом султана. О том, что он представляет в Турции, на Западе знали несравненно больше, чем об аналогичных заведениях в других мусульманских странах, например в Средней Азии. Турки позаимствовали систему гаремов у византийцев в XV в. В XVIII в. их стали внедрять все, кому оказалась по карману содержать женщин³³. В Персии гарем назывался зана. Здесь затворничество было более строгим, нежели в Турции, роскошью отличались лишь гаремы местного духовенства. Его рассматривали как прототип всех гаремов на Востоке³⁴. Сведений по персидским материалам опубликовано значительно меньше, чем турецких. Поэтому многие данные о гаремных буднях в Персии и особенно в Турции во многом совпадают с положением в Средней Азии.

Главными источниками сведений о турецких гаремах для Европы были описания иностранных дипломатов, которым удавалось проникнуть на территорию гарема путем подкупа евнухов, сообщения жен европейских послов, посещавших в качестве гостей обитательниц гарема, а также сведения миссионеров и советников. Для изучения придворной жизни среднеазиатских правителей подобные источники отсутствуют. Сохранились лишь фрагментарные описания российских военных специалистов, которым была недоступна закрытая частная жизнь ханов.

На основании сведений, которые дают представление о реалиях Турции, удалось хотя бы частично опровергнуть традиционные представления европейцев о женщинах гарема, в том числе среднеазиатских, как об «отшельницах» или «птичках в клетках». Примером может служить заметка 1859 г. «Мусульманские женщины» княгини Бельджойзо, которая долго путешествовала по востоку. По мнению газеты «Иллюстрация», автор «совершенно познакомилась с жизнью магометан и находит ее самую безотрадую и пустой»: «жизнь женщины на востоке достойна сожаления», «женщина игрушка, вещь в руках мусульманина тирана»³⁵.

Женами турецкого султана считались его наложницы. Их могло быть от четырех до восьми: «Поскольку девушки гарема, согласно законам ислама,

считались собственностью султана, его рабынями, он не был обязан жениться на них»³⁶.

Время от времени повелитель играл свадьбу. При этом оргий султаны в своем гареме не устраивали³⁷.

Как отмечали очевидцы, церемонии бракосочетаний кокандского хана обычно происходили скромно, без особых торжеств. Музаффар-хан, эмир бухарский, имел четырех законных жен и еще около сорока рабынь-наложниц. Он пользовался среди своих подданных репутацией «занбоз» — бабника³⁸.

По сведениям современников, гарем Худояр-хана состоял из 3-4 жен и от 30-50 (по одним источникам) до 70 (по другим источникам) невольниц-чури. Обычно невольницами были персиянки-шиитки, которых приобретали в Хиве или Бухаре, и шугнанки³⁹. Каждая ханша (*аим*) имела свой «штат» чури.

Жены и наложницы турецких султанов также должны были иметь многочисленный штат служанок и фрейлин. Женщины гарема правителя в Турции делились на две группы, между которыми существовало четкое различие. К низшей группе относились служанки, которые выполняли практически всю грязную и тяжелую работу по дому. Внутри этой группы также существовало деление в зависимости от квалификации и стажа. Этим женщинам редко случалось удовлетворять похоть султана.

Высшая группа женщин турецкого гарема состояла из привилегированных. Критериями отбора в эту группу служили красота и способности. При одинаковых внешних данных предпочтение отдавалось тем, кто умел играть на музыкальных инструментах, петь, танцевать и владел тонкостями в искусстве обольщать султана. Помимо наложниц и фавориток, наставниц и невольниц в турецких гаремах жили тетушки, сестры и дочери султана. Существовала целая бытовая иерархия должностей в гареме. У каждой обитательницы был свой круг обязанностей, которые она исполняла. По мнению Дж. Клуга, организация гаремов турецких султанов походила на привилегированную закрытую школу для девочек, а жесткие правила позволяли сравнивать их с жизнью в монастыре⁴⁰. А.Л. Крутые, которая родилась и выросла в одном из домашних гаремов, собирала материалы об этом социальном институте. Она называла жизнь женщин в его стенах «пребыванием в состоянии кокона»⁴¹.

Большинство султанов спали со своими любимыми наложницами по очереди, избегая столкновений между ними. Каждый его визит главный казначей заносил в специальный дневник. В Бухаре также вели так называемый «доманрас», список девушек, с которыми эмир имел близость⁴². Для всех эмиров существовало одно старое мудрое правило и они не могли его нарушать: в целях безопасности эмир никогда не оставался на всю ночь в гареме⁴³. Когда внимание монарха к своим женщинам было неодинако-

вым, это вызывало бурю страстей и ненависти, плелись заговоры, велись бесшумные войны.

При выборе жены в большинстве случаев руководствовались политическими соображениями. Известны имена двух жен Худояр-хана. Среди его жен отличали Ша-аим — дочь Исмаил-хана дарвазского, но она умерла во время родов. От нее у хана остался сын. Ее место в сердце хана заняла Агача-аим — дочь кашгарского маклера. У них с Худояром тоже родился сын. В дальнейшем Агача вырастила обоих мальчиков. По всей видимости, именно ее портрет хранится в музее. Известно, что впоследствии Агача-аим жила с сыновьями в Ташкенте. Предполагали, что у нее осталось много дорогих украшений, в том числе жемчужные четки хана и его эгрет⁴⁴.

Наложницы гаремов в Турции обычно были иностранками. Некоторые из них появлялись в качестве добычи янычаров, других приобретали на невольничьем рынке, а третьи приходили сами⁴⁵. Считалось, если женщины с невольничьего рынка попадали в *сераль*, то им очень повезло. Бедные девушки без всякого принуждения мечтали попасть в гарем султана, чтобы улучшить свое материальное положение. Во времена расцвета и могущества Османской империи в серале насчитывалось свыше 1000 женщин, которые находились на попечении около 800 евнухов⁴⁶. Среднеазиатские правители имели в столицах и их окрестностях множество резиденций, в которых большую площадь занимали женские покои.

В турецких султанских гаремах попавших туда молодых женщин обучали языку, рукоделию, игре на музыкальных инструментах. Каждый день им отводилось несколько часов на отдых, развлечения, прогулки и игры. Жены и наложницы турецких султанов должны были иметь многочисленный штат служанок и фрейлин.

Схожими были источники пополнения среднеазиатских гаремов. Гарем эмира бухарского формировался из нескольких источников. Красивых девушек обычно присылали в качестве ежегодных податей управляющие округами. Подыскивали их и через специальных агентов — старух. Будущих невест сначала содержали при матери эмира. Затем их воспитывали в урде (гареме). Их обучали правилам этикета, играм, песням, танцам⁴⁷.

В Коканде аимы проводили время с утра до вечера в приятном бездельи, пили чай, вели бесконечную болтовню о мелочах жизни. В хорошую погоду женщины гарема кокандского правителя выходили погулять в сад, окруженный высокими стенами. Здесь же мог появиться Худояр-хан.

В Турции в XIX в. женщинам гарема разрешалось ездить за покупками, но чаще торговцы сами приносили свой товар. Внутрь гаремов Средней Азии, как и Турции, допускали посторонних женщин, как правило евреек, которые вместе с товаром приносили городские сплетни. Поэтому стамбульские купцы специально женились на еврейках, чтобы иметь доступ к покупательницам из гаремов. Эти торговки в некоторых случаях становились посредницами тайных сговоров⁴⁸.

Согласно описанию гаремных будней в Коканде, большое оживление проявлялось при выборе материи, женских безделушек, приносимых мальчиками придворных поставщиков⁴⁹.

Из материалов о турецких гаремах также очевидно, что в привилегированном положении в гареме находились кондитеры, которые злоупотребляли этим, получая значительные доходы не столько от спекуляции сладостями, сколько от торговли молодыми юношами. Их тайком переправляли в лазарет, переодевая в одежду кондитеров, а затем поставляли своим господам.

Если любимица турецкого султана рожала ему ребенка, который оказывался старшим из всех его живых сыновей, она становилась старшей женой. Если ее сын после смерти правителя наследовал трон, она становилась полновластной хозяйкой гарема. Похожее положение женщин существовало в среднеазиатских гаремах. Однако многие наложницы так никогда и не удостоивались чести разделить ложе с султаном. Такая же участь могла ожидать обитательниц среднеазиатских гаремов. За это одни их презирали, а другие жалели, так как отношения с монархом рассматривались как своего рода служебная лестница, и некоторые женщины соревновались за право стать наложницей⁵⁰.

Похожую информацию получила во время экспедиционных поездок по Средней Азии Ф.Д. Люшкевич. По ее устному сообщению, ей удалось познакомиться с пожилой женщиной, бывшей обитательницей гарема последнего эмира бухарского. В течение всех лет проживания в этом заведении правитель ни разу не посетил ее. Если таких девушек становилось много, то иногда эмир выдавал их замуж⁵¹.

Текучесть гаремных кадров была довольно высокой, одних «увольняли», на смену им принимали других. В Турции состарившихся жен, наложниц или тех, кто не получил статус жены либо наложницы султана, отсылали в Старый дворец. Провинившихся по приказу султана выгоняли и отсылали в старый сераль как отвергнутых и изгнанных с выходным пособием, иногда выдавая замуж за османских чиновников. Сходное положение существовало в гареме эмира Бухары, где нередко были случаи женитьбы высших чиновников на бывших женах эмира. В отличие от них, в гареме Кокандского ханства разведенные жены Худояр-хана не выходили замуж, никто не имел права вступать с ними в брак, их содержали за казенный счет.

Вход в гарем кокандского хана привратники охраняли не только от мужчин, но и от посторонних женщин. За порядком следила и оберегала гаремную честь хана родственница матери Худояра, «почтенная, но живая и веселая киргизка»⁵². В гареме турецкого султана за его обитательницами надзирали женщины постарше. Возглавляла женскую иерархию мать султана⁵³. Княгиня Бельджойзо в своей заметке также сообщала, что мать султана имеет много власти и командует всеми женами: «Не одна серальская революция произведена этими старыми бабами»⁵⁴.

Женщины султанского гарема находились под очень строгим наблюдением. Если у них появлялось желание отведать редиса, огурцов, горлянки или тому подобного, эти овощи подавали им уже нарезанными на ломти, «чтобы избавить их от средств ублажить свою похоть». Лесбиянство в гаремах не было редким явлением⁵⁵. Женщин охраняли черные евнухи (из Нубии, Египта, Абиссинии и Центральной Африки), которых, как правило, приобретали на невольничьих рынках, затем подвергали кастрации и называли именами цветов⁵⁶. Встречались упоминания о немногочисленных евнухах гаремов Турции и Персии, которые подверглись частичному оскотлению и могли совратить своих подопечных. В Средней Азии институт евнухов отсутствовал.

А. Борнс сообщал о правилах поведения на улицах Бухары при встрече с обитательницами гарема эмира: «Если же проходит кто-нибудь из царского гарема, то встречающимся предписывается смотреть в сторону, а в противном случае удар по голове напомнит им об исполнении: так недоступны даже и для взора красавицы в Бухаре»⁵⁷.

По сообщениям современной русской прессы, после занятия Кокандского ханства русскими войсками Худояр-хан вместе с семьей, драгоценностями и частью казны («больше заботился о женах и рабынях своих, почему не мог увезти всю казну») на 80 арбах покинул Коканд и добрался до Ходжента. О судьбе обширного гарема последнего кокандского хана некоторые авторы писали, что он «разбежался и укомплектовал собою веселые дома павшей столицы Ферганы»⁵⁸.

Несмотря на регламентированную жизнь в гаремах султанов, женщины в Турции, в отличие от обитательниц среднеазиатских гаремов, были защищены в юридическом отношении, они имели довольно высокий статус и значительную степень свободы⁵⁹.

Рассмотренные материалы частично показали несостоятельность некоторых представлений о восточных гаремах, которые часто фигурировали в европейской культуре. В действительности в этом маленьком мирке существовали жесткие правила. Отдельно взятый гарем в Турции, Персии, Средней Азии был уникальным в своем роде. В каждом случае можно говорить о собственных традициях, обычаях, привычках, этикете и языке, на котором в них разговаривали.

Наряду с бытованием при дворах среднеазиатских ханов женских гаремов существовал институт мальчиков-бачей.

III

Прежде в этнографической литературе не уделялось достаточно внимания изучению такого явления местной культуры, как бача, хотя очевидно, что из обращения к данной проблеме возникает ряд вопросов, связанных с традиционным мировоззрением народов региона.

В иллюстративных коллекциях МАЭ хранятся изображения мальчиков-танцоров: бача из Ташкента, из Ферганской области, Коканда, Самарканда, на празднике Курбан-байрам среди группы музыкантов и другие [МАЭ. Колл. 255 - 295, 286; 512-145, 146; И-1447 - 24; И-1718 - 29, 84].

В Коканде Н. Ордэ удалось сделать редкий снимок — «Пляска бачей»: мальчик-бача в компании женщин с музыкальными инструментами в руках повторяет движения танца за девушкой [МАЭ. Колл. 255 - 295] (рис. 10)⁶⁰. В отличие от других фотографий с изображениями бачей, которые обычно позировали в женской одежде, мальчик со снимка Н. Ордэ одет в повседневный мужской костюм. На женщинах, которые обучали его танцу, головные уборы отсутствуют, либо надеты тюрбетейки, что отличает в них девушек «легкого поведения». О женском *базме*, который зафиксирован на этом документальном снимке, опубликованные источники содержат незначительное количество сведений. Фотография Н. Ордэ «Пляска бачей» позволяет дополнить литературные сведения, например, о том, что бачей обучали танцевать только бывшие бачи. Наблюдатели-европейцы сообщали о том, как происходили подбор и обучение бачей: красивых мальчиков 9-15 лет «покупали у беднейших родителей «импрессарии», которые являлись окончившими карьеру плясунами и певцами и обучали этому бачей»⁶¹. По сведениям более позднего времени, хозяин сам обучал искусству танца участников трупп⁶². Фотография из коллекции МАЭ расширяет эти сведения — бачей также могли обучать женщины-плясуньи: «Бача» — молодая девушка с бойкими глазами, на обязанности которой лежало занимать гостей пляской и песнями»⁶³.

Пение и пляски бачи, сопровождавшиеся ударами барабанов и бубнов, криками и рукоплесканиями довольных зрителей, считались лучшим украшением любого «*тоя*» (семейного праздника с угощением), различных представлений — *томаша*, которые устраивали почти каждый день в разных домах.

В.В. Крестовский присутствовал на представлениях с участием бачей, мальчиков от 10-14-летнего возраста, «из коих некоторые были одеты в женские костюмы»⁶⁴. Они танцевали между номерами клоунов: «Мальчонки были одеты в легкие ситцевые халатики красного цвета, а некоторые в бешметы и шальвары женского покроя, все подпоясаны яркими шарфами и все в парчевых «*каляпушах*» (головных уборах. — *В.П.*), из-под которых у тех, что были наряжены женщинами, ниспадали длинные, мелко заплетенные косицы из черного шелка, числом пять (по две с висков и одна сзади), наподобие девичьей прически, называемой «*бишькакуль*»⁶⁵. Писатель воспринимал бачей как часть придворной увеселительной труппы, в состав которой входили клоуны (*маскарабазы*), певцы, музыканты, марионетчики.

В.В. Верещагину довелось наблюдать, как несколько мужчин преобразовали мальчика в девочку. Ему привязывали длинные мелко заплетенные

косы с погремушками и кистями, укрепленные одним концом под тюбетейкой, голову покрывали большим шелковым платком и выше лба повязывали другим, узко сложенным. При этом мальчик кокетливо смотрел в зеркало: «Толстый, претолстый сарт держал свечи, другие благоговейно, едва дыша, смотрели на это и за честь считали помочь ему»⁶⁶. Содержали бачей часто несколько человек: 10–15–20 мужчин, старавшиеся наперебой угодить мальчику⁶⁷.

В.В. Верещагин ярко описал впечатления от базма — пляски бачей. Во время танца бача под одобрительные возгласы присутствующих подражал женским движениям. Не меньший интерес, по мнению приезжих, представляли музыканты, которые с учащением ритма еще более, чем зрители, приходили в экстаз. Чтобы бубен звучал звонче, перед музыкантами ставили жаровни с горячими углями, над которыми они время от времени держали свои бубны, таким образом, сильнее натягивая кожу на них (рис. 11)⁶⁸.

Под давлением русской администрации к концу 1890-х годов обычай держать бачей начал исчезать. В. Духовская описала один из праздников в Ташкенте с танцами бачей, который происходил в бытность ее мужа, С.М. Духовского, Туркестанским генерал-губернатором: «В Ташкенте за неимением настоящих бачей танцы их исполнялись пожилыми, даже седовласыми мужчинами, между которыми было только два подростка»⁶⁹.

В более позднее время «бача или, как еще его называли, *чувон* (юноша), *бесакол* (безбородый юноша)»⁷⁰, иногда из числа участников собрания, также считался необходимым, престижным персонажем «мужского дома», особенно в торгово-ремесленных центрах. Рассматривая термины, которые применялись по отношению к обедам в «мужских домах» у равнинных таджиков, Р.Р. Рахимов назвал также базм в значении «веселье», «пир», «вакханалия»⁷¹. Бача «были не только всеобщими кумирами, но и властелинами базмов. Во время базмов они налагали на не выполнявших их волю порой самые невероятные наказания»⁷².

В собраниях МАЭ хранятся две фотоколлекции более позднего времени, в состав которых входят изображения танцующих бачей, собранных среди других групп населения бывшей Средней Азии. Одна из них представляет собой стереоскопические негативы, выполненные И.И. Зарубиным в экспедиции по Памиру и Нагорной Бухаре в 1915–1916 гг. по поручению и на средства Русского Комитета по изучению Восточной и Средней Азии. На снимках показан танец мальчика в Поршниве и Рохарве [МАЭ. Колл. 2621 - 327, 295, 437–440, 442, 455]. Регистировал эту коллекцию в 1916 г. С.М. Дудин. Его комментарии к фотографиям были краткими. Под одним снимком указано: «Танец сына Иззат-Улло в доме Саида Айсо». Обращает на себя внимание то, что на этих изображениях бача одет в повседневную мужскую одежду: подпоясанный халат и тюбетейку, а не в женский костюм, который обычно присутствует на фотографиях и в литературных

описаниях бачебазма. На снимке И.И. Зарубина у бачи отсутствуют какие-либо намеки на наличие в его костюме деталей женской одежды.

Самым поздним изображением бачей в составе иллюстративных коллекций МАЭ являются фотографии, сделанные Э.Г. Гафферберг и Г.Г. Гульбиным. Они были участниками Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР, которая работала в 1926-1929 гг. под руководством И.И. Зарубина. В 1929 г. один из отрядов экспедиции работал среди джемшидов Кушкинского района Туркменской ССР на станции Чемени-Бид. На основании полевых записей собирателей в 1932 г. эту коллекцию зарегистрировала Е.П. Николаичева. Несмотря на то, что коллекция 1929 г. содержит фотоматериалы из жизни джемшидов, ряд снимков бачей относится к белуджам [МАЭ. Колл. 3854 - 31, 70-72, 74, 75, 78, 79].

По сведениям собирателей, в будни «костюм бачи не отличался от костюма остального населения. Перед танцем он одевает род кафтана, стянутого в талии и широкого в подоле с узкими рукавами. На спине пришит треугольный матерчатый амулет. Штаны очень узкие у щиколотки с прикрепленными по сторонам бубенчиками» [МАЭ. Описание колл. 3854 - 31]. Из этого описания костюма бачи следует, что в его одежде присутствовали элементы подражания женскому одеянию: приталенный и широкий внизу кафтан с узкими рукавами. Узкие у щиколотки штаны у бачи были, по всей видимости, данью моде 1920-х гг., когда традиционно широкие внизу женские шаровары стали укорачивать и зауживать⁷³. По сведениям собирателей, закончив танец, бача тотчас же переодевался в будничную одежду.

В описи коллекции содержатся любопытные сведения об условиях и размерах оплаты работы танцора и музыкантов в 1929 г.: за танцы и музыку на открытом воздухе перед жителями кишлакани плату не брали, исполнителей лишь угощали чаем. Если же их приглашали выступить в каком-нибудь доме, то за это платили деньги. Так, участники экспедиции стали свидетелями того, как артисты оговаривали условия своего выступления в ауле Сеид-Батура. Труппа хотела получить за это двадцать рублей, а приглашавшая сторона предлагала лишь десять. На одном снимке запечатлен бача и сопровождавшие его три музыканта: барабанщик и два исполнителя на смычковом и духовом инструментах. Все участники ансамбля сидят перед джемшидским кочевым жилищем *чанпарри* вместе с хозяином, который пригласил их выступить [МАЭ. Колл. 3854 – 79].

Любопытно сравнить условия работы танцора, музыкантов конца XIX в. – начала XX вв. со сведениями участников экспедиции 1929 г. об оплате артистам. На рубеже веков в Бухаре за выступление артисты получали две пятые части от всего дохода⁷⁴. Очевидно, что к концу 1920-х годов оплата труда бачей-белуджей, как и их костюм, была очень скромной. Характер же самих танцев, видимо, не изменился: «Танец состоял в плавных движениях по кругу и диагонали. Руки танцора принимают самые разнообразные положения. Они то распростерты крылообразно, то сложе-

ны крестообразно, то вытянуты вперед и т.д. По мере продолжения танца бача ускоряет темп» [МАЭ. Опись колл. 3854-31]. В комментариях собирателей фотографий с танцами бачей отсутствовали замечания по поводу ажиотажа среди белуджей вокруг персоны бачи, который был характерен для оседлого населения, что неизменно подчеркивали авторы публикаций конца XIX — начала XX вв.

По сведениям М.С. Андреева, в танцах бачей или, точнее, в музыке для них существовало «две школы — мервская — «мавриги» и бухарская. В каждой присутствовала совершенно отличная, по словам бухарцев, музыка, для каждой имелись особые *дойрадаст* (бубенщики). Те, которые играли «мервские» мелодии, не годились для «бухарской» музыки и наоборот. Если танцоры готовились выступать под мервскую музыку, то опоясывали себя матерчатыми поясами, если под бухарскую — халаты не подвязывали⁷⁵. На фотографиях иллюстративных коллекций МАЭ в большинстве случаев бача изображены в подпоясанных халатах. По-видимому, мервские мелодии были более популярны, чем бухарские.

В литературных источниках часто встречаются представления о бачах как о мальчиках-проститутках⁷⁶.

Индийский путешественник, посетивший Бухару в начале XX в., выделял как одну из особенностей местной культуры «безбородых мальчиков», «уважение и почитание которых доходит до невероятных размеров, вслед ему несутся возгласы восхищения»⁷⁷.

Обычай «бачебазлык» оседлого населения Средней Азии привлекал внимание приезжих иностранцев конца XIX - начала XX вв. и вызывал у них противоречивые впечатления: «Красивые мальчики (бача) продавались богатым мужчинам. Они жили в семьях, оказывая сексуальные услуги владельцам, развлекая гостей музыкой и танцами»⁷⁸.

О бачах писал М.Э. Никольский: «Это молодые мальчики, юноши. На базаре за таким может идти целая свора пожилых и старых <...> его поклонников и стараются исполнить его малейшее желание. Бачи часто приводят к разорению своих поклонников»⁷⁹. В коллекциях МАЭ имеется фотография бачей, которая называется «Бачи» и их поклонники» [МАЭ. Колл. И-1718 - 334] (рис. 12)⁸⁰.

М.Э. Никольский считал, что бачи встречаются везде, и в Персии, и в Турции, и в Малой Азии. На примере собранных материалов по Афганистану Р.Р. Рахимов привел сведения о ежедневных собраниях мужской молодежи и о существовании в каждой компании одного-двух танцоров-солистов. Как и у народов Средней Азии, танцор одевался в женский наряд. Подобные вечеринки заканчивались глубокой ночью. Подростки оставались спать в помещении, где проходили мужские застолья, а на рассвете расходились по домам⁸¹.

Турецкие султаны имели штат лиц низшего звания, таких как шуты, немые и музыканты. Фокусники, борцы, как пожилые, так и молодые, пользовались правом свободного прохода через главные ворота.

Из материалов о придворной жизни в Турции не ясно положение мальчиков-плясунов и пажей при дворе султанов. Пажи были постельничьими. Мальчики-танцоры, например, приходили к турецкому султану по понедельникам. Отсутствует описание, по какому принципу их отбирали. Однако содержатся сведения о пажах, дворцовой школе, в которой обучались способные юноши. Потом их ждала карьера на военной или гражданской службе. Сначала туда набирали пажей из христианских меньшинств путем взимания особого вида налога — «*девширме*». В дворцовую школу отдавали также мальчиков, захваченных в ходе военных кампаний и потом обращенных в ислам. Со временем в этом учебном заведении стали обучаться и турецкие юноши. В школе существовал отлаженный учебный процесс. Ее выпускники занимали высокие должности в империи, в том числе и должность великого визиря.

Известно, что к султанской бане примыкало помещение, которое называлось *мешкхане*, или музыкальная комната, где придворных пажей обучали пению и игре на музыкальных инструментах. Польский пленник, служивший пажом при дворе султана в середине XVII в., сообщал, что придворные музыканты играли в султанской бане каждый вторник во время процедуры бритья султана. Можно ли на основании этих материалов говорить, что пажи и мальчики — музыканты / плясуны исполняли одну и ту же роль?

При дворах турецких султанов существовали фавориты (*мусахибы*). Например, в XVII в. султан увлекся привлекательным юношей, поляком по происхождению, «проникнувшись к нему страстью столь внезапной и бурной, которой нельзя было ни найти достойное объяснение, ни предсказать последствий»⁸². Другой султан даже выдал замуж свою малолетнюю дочь за одного из своих мусахибов — любимых пажей⁸³.

Одних султанов вечерами развлекали женщины гарема, а на ночных пирушках до рассвета — мальчики-танцоры, «ангелоподобные пажи». У других избыток женщин менял сексуальное поведение, и тогда они переключались на мальчиков. Некоторые султаны при этом продолжали постоянно навещать женщин. В начале XVI в сообщалось о дворе турецкого султана, насчитывавшем среди прочих обитателей 80 мальчиков, другой султан имел их около 200.

Противоречивое отношение к женщинам, смешение сексуальных ролей у турецких султанов не считалось экстраординарным событием. Один из монархов, будучи наследным принцем, был известен своей нетрадиционной ориентацией. Он выступал против присутствия орд женщин во дворце. Когда он стал султаном, то распустил многочисленный штат дворцовой челяди, объявив о своем намерении вести простую жизнь с одной супру-

гой. Характеризуя частную жизнь турецкого султана в XIX в., Дж. Фрили пришел к выводу, что именно избыток женщин породил некое чувство отвращения у монарха, который отдавал предпочтение мальчикам. Автор публикации отмечал, что эта склонность не была новой для османских султанов. В царствование одних султанов этот порок исчезал, во времена других — возрождался⁸⁴.

Изменение сексуальных предпочтений встречалось, видимо, также при дворах среднеазиатских ханов. В своих воспоминаниях Л.И. Ремпель писал о *галыбхона* — казенных заведений, в которых «содержались мальчики, используемые для удовлетворения похотливых желаний эмира, его двора, дворцовых «гостей» и др.»⁸⁵. Запретив частный бачебазм под влиянием царской администрации, эмир ввел свою монополию на бачей: если торговля детьми-бачами становилась известна чиновнику, бачу отбирали. Уличенных в бачебазме отправляли в галыбхону. Она представляла собой двор, состоявший из 8-9 комнат. У ворот сидел комендант бачей, под наблюдением которого находилось приблизительно 20 бачей и 40 музыкантов: «Сюда свозили бачей из разных мест. В большинстве это были безродные дети»⁸⁶. Бачи выступали группами вместе с музыкантами и за это получали подарки.

М.С. Андреев называл танцы бачей, доступные для всех, «*чаукибози*». Он отмечал, что, когда эмир проживал в бухарском арке, *чауки* никогда не устраивались. Востоковед подчеркивал: «Чауки — это название пляски бачей, доступной народу, но когда она устраивалась эмиром для себя, то тогда танец бачей носил другое название: он именовался «*базми хоса*», т.е. к слову «базм» — пир, угощение — прибавлялось определение «*хоса*» — ханский»⁸⁷.

Организацию базма для эмира бухарского М.С. Андреев описывал так. Обычно после последнего намаза, т.е. после девяти часов вечера, эмир отдавал секретное распоряжение привести одного или двух танцоров и сам выбирал лучших певцов и музыкантов. В небольшой комнате, возлежавшей среди подушек, эмир находился с ближайшими компаньонами: «Один или двое юношей-танцоров (тоже по указанию эмира) распускают свои “*кокули*” <...>, свешивая их по обе стороны шеи себе на грудь»⁸⁸.

О причинах возникновения базма как увеселения с музыкой и танцами бачей высказался известный автор хрестоматийных трудов по Средней Азии и Казахстану В.И. Массальский: «обычай этот издавна укоренился под влиянием разобщенности полов»⁸⁹. Подобное мнение было высказано и на страницах литературно-исторического журнала «Средняя Азия», выходящего в Ташкенте: «У туземцев, лишенных общества женщины, иногда косички на голове красивых мальчиков (бача) усиливают иллюзию при танцах бачи, в этом случае это уже не отрощенные пряди волос, а привязанные косы с погремушками и кистями, укрепленные одним концом под тюбетейкой танцующего, подражающего женщине»⁹⁰.

3. Лев-Старович, исследовавший секс в культурах мира и, в частности, природу гомосексуализма в древнегреческой культуре, считал, что распространению связи взрослого мужчины с мальчиком в возрасте 15-18 лет (наиболее часто встречаемой формой гомосексуализма) способствовали: система обучения, закрытая мужская среда, наличие мужских клубов, которые юноши посещали со своими воспитателями: «Тесные дружеские контакты, частые диспуты углубляли интимность уз и отделяли воспитанника от мира женщин»⁹¹.

В условиях исламской культуры оседлого населения Средней Азии, при которой существовала изоляция женщин от общественных развлечений, закрытая мужская среда, постоянное общение между собой поощряли мужчин к контактам с мальчиками. Красивые талантливые в танцах бачи вызывали восхищение, им посвящали песни и стихи. Состояние людей определялось их возможностью содержать бачей. Если 10–20 человек могли позволить себе содержать одного избалованного бачу, то ханы имели при дворах в своем штате десятки и сотни бачей. М.С. Андреев писал, что эмир Муззафар-хан не был замечен в пристрастии к мальчикам, а Абдуллахад-хан и Алим-хан грешили этим⁹².

3. Лев-Старович выделяет понятие «*оргастической культуры*», означающее принятие всех форм сексуальной активности, которая встречается чаще всего в среде привилегированной части общества: при дворах монархов, аристократии, в элитарных кругах. На примере среднеазиатского материала, наибольшее количество бачей содержали ханы. Более или менее состоятельные люди содержали бачей вскладчину или порознь, в зависимости от достатка. Вероятно, декхане, беднейшие слои населения, не могли себе этого позволить. Оргастическая культура, ее пласты в различных культурах богата письменными материалами, произведениями искусства, свидетельствующими о сексуальной свободе в различные эпохи, о большой свободе нравов⁹³.

Подтверждение этого положения содержится у Р.Р. Рахимова в сведениях о существовании «пиров на суфийский лад», которые являлись «лучшими беседами и наиболее приятными сборищами» в «мужских домах»⁹⁴.

В то же время 3. Лев-Старович считал, что во многом роль гомосексуализма в древнегреческой культуре была преувеличена. Он не был доминирующей формой сексуальной активности мужчин и не угрожал существованию семьи. Гомосексуализм трактовался не как патология, он составлял часть природы⁹⁵.

Институт бача тоже являлся составляющей национальной культуры. Пляски мальчиков-бачей пользовались успехом у всех социальных слоев. Считалось нормой повышенное внимание к ним. По устному сообщению Р.Я. Рассудовой, во время экспедиционной работы ей удалось познакомиться с женщиной, сыну которой выпало быть бачей. К этому относились как к удаче, выпавшей на долю мальчика. Женщина с гордостью рассказы-

вала о том, что ее сына называли ласково «цветком». Несмотря на то, что ислам запрещает гомосексуализм, эту религию называли терпимой к сложившимся местным обычаям и более доброжелательно относящейся к сексу, по сравнению, например, с иудаизмом или христианством⁹⁶. Мусульманские законы регулировали многие вопросы сексуального поведения и навязывали определенные нормы, запреты и предписания. По мнению сексологов, традиционные отношения между полами проявляются в распространении патриархальных моделей этих отношений, доминировании мужчины в данных отношениях. К бачам, переодетым в женские костюмы, обращались как к женщинам. Мужчинам не запрещались контакты с мальчиками.

Характер отношений мужчины к женщине и к мальчику, который вышел из подросткового возраста, но еще не достиг зрелости, например, в древних Афинах, до сих пор остается предметом дискуссий⁹⁷. Во многом это объясняется ущербным социальным положением греческой женщины. Она, как и мусульманки, представительницы оседлого населения Средней Азии, не обладала большими политическими либо гражданскими правами, в течение жизни находилась в полном подчинении у ближайшего родственника мужского пола и была вынуждена проводить большую часть времени на женской половине своего дома⁹⁸. Связь взрослых мужчин с мальчиками культивировалась в рамках отношений учителя и ученика. В Древней Греции этому способствовала система обучения, когда мальчики, получая образование, жили в закрытой мужской среде; в средневековой и более позднего времени Японии — среди буддийских монахов, в воинских классах, в театральных труппах, состоявших из одних мужчин⁹⁹.

Бачебазм имеет глубокие культурные традиции, связанные прежде всего с историей народного театра. Мотив двуполости встречается во многих культурах.

З. Лев-Старович рассматривает гомосексуализм, проявляющийся в большинстве культур и находящийся под влиянием национальных традиций и религии, не явным гомосексуализмом¹⁰⁰.

Существование пляски бачей, доступных широкому зрителю, отмечал М.С. Андреев¹⁰¹. Это свидетельствует о большом интересе населения к выступлениям мальчиков-танцоров, о древних культурных традициях этого социального института, связях его с многовековыми народными эстетическими представлениями. В прозаическом произведении О. Хайяма «Науруз-наме», написанном почти тысячу лет назад, содержится трактат «Слово о свойствах красивого лица»¹⁰². В нем изложено значение понятия «красивого лица», которое считается большим счастьем («Красота восхваляется на всех языках и приятна всякому разуму»), его лицемерие — хорошей приметой, а «вместе с хорошим характером — счастье достигает крайности». В доказательство этого учения О. Хайям приводит два рассказа назидательного свойства о фантастических возможностях обладателей краси-

вого лица. В первом рассказе речь идет о невольнице, которая подняла покрывало со своего лица и тем спасла жизнь военачальника, во втором изложена история бедного, но очень красивого 12-летнего мальчика. Его заметил турецкий султан. Он принял мальчика как сына, воспитал его: «Мальчик каждое утро рано приходил к нему, и султан, выходя из своей комнаты, первым видел его лицо. Цель султана состояла в проверке благотворности его лицезрения. Оно оказалось очень благотворным. Выходя из комнаты, он смотрел на него и достигал всякой цели в тот же день»¹⁰³. В этих притчах содержатся рекомендации принятых средневековых норм поведения и философско-этические представления.

Другим примером традиционного мировоззрения, связанного с существованием института бачей, является сюжет из туркменского героического эпоса «Гер-оглы» о юноше Овезе¹⁰⁴. Его восхваляют, в честь него слагали песни:

«Три года наслажденье-блаженство он мне дарил
Что ни день, благостную красоту свою позволял лицезреть,
[Но вот] пять поцелуев я попросил — и восемьдесят ударов получил.
Нескончаемую [боль] причинили душе моей...
Тринадцать-четырнадцать лет ему
Рядом с розой он [словно] безумный соловей
Вместе с сорока *игидами* с Мустапой во главе
Хотелось бы мне вечно ему служить»¹⁰⁵.

Образ Овеза возникает также в сцене в *чайхане* как отсутствующий, но необходимый персонаж: «Однажды в мейхане Гер-оглы появился какой-то белобородый старец <...>

- Сын мой! Нет у тебя изъяна, [но] твоей мейхане <...> недостает одного.

- Чего же не хватает, дед?

- Недостает вам юноши лет тринадцати-четырнадцати, с кудрями, окропленными золотой водой и ниспадающими до пояса. Подавал бы он вам чай, кальян — было бы в самый раз. Да пусть имя ему будет Овез. Нехорошо, когда пиалы и кальяны разносит бородач, здоровенный, как маслобойка, — сказал старик и ушел»¹⁰⁶.

Этот эпизод совпадает с сообщениями авторов конца XIX – начала XX вв. о том, что почти при каждой чайхане находился бача, «поклонники которых составляют постоянных посетителей»¹⁰⁷. Бача долго не задерживался на одном месте и, кокетничая с посетителями, переходил от одной группы к другой, требуя везде *дастархан* и чай, и угощал окружающих, а его поклонники, осчастливленные таким вниманием, щедро платили за все потребованное мальчиком. Он внимательно наблюдал за присутствующи-

ми и как только замечал ничего не заказывающих посетителей, направлялся к ним, и сразу же раздавалось требование чая.

Когда в чайхане собиралось достаточное количество завсегдаево, сидевших компаниями, хозяин чайханы высылал к ним своего бачу: «Всегда в таких случаях ленивой походкой, мелкими шагами входит хорошенький мальчик и направляется к более знакомым посетителям. Как только он подошел, тотчас весь кружок встает и сарты, согнувшись и держа руки на животе, приветствуют его. Он садится и приглашает жестом других тоже сесть. Взоры всего кружка обращаются на бачу. Принесли чай, и бача, налив чашку и отпив из нее глоток, передает кому-нибудь из присутствующих»¹⁰⁸. Посетители чайханы обращались к баче не иначе как «благодарю, повелитель». П. Маев сообщал, что этим титулом не величали бачей только ханы и самые важные сановники; все прочие говорили ему «повелитель» и рассказывали про бачу: «они мне сказали» и «я им подал»¹⁰⁹. Случалось, что бача дразнил своих поклонников: «протянув кому-нибудь чашку, ждет, когда тот прибежит и протянет за нею руки, быстро передает ее другому. Это вызывало общий смех, а обманутый с покорностью ждет, когда бача, отпив, подаст ему чашку чая»¹¹⁰. При появлении бачи чаще обносили чилим, ему подавая первому. Затянувшись, он передавал чубук другим.

Изучение такого веками существовавшего социального явления, как бача, деликатного и потому закрытого вопроса, не дает возможности для более детального его рассмотрения. Институт бачей был частью народной культуры, и поэтому его нельзя рассматривать с точки зрения жителя Запада.

Обращение к иллюстративным коллекциям музея как к самостоятельному этнографическому источнику с привлечением дополнительных литературных материалов, данных периодической печати периода 1870-1910-х гг. позволило провести в ряде случаев атрибуцию собрания отдела Центральной Азии МАЭ, выявить и обобщить комплекс исторических фотографий, несущих информацию о роли и положении мусульманской женщины в традиционной культуре оседлого населения конца XIX – начала XX вв.

Исторические музейные фотографии могут рассматриваться одним из основных источников для изучения социального положения женщин оседлого населения Центральной Азии. Они также свидетельствуют о существовании в крае в рассматриваемый период такого социального института, как местная проституция. В результате сравнения разного рода источников выявилось, что на большинстве студийных фотографий первых иллюстративных коллекций МАЭ позировали местные проститутки.

Первые фотоколлекции МАЭ в сочетании с сопоставительными материалами о положении женщин в конце XIX - начале XX вв. близкой по мусульманской культуре Турции послужили источником для рассмотрения института гарема в традиционной культуре оседлого населения Средней

Азии. Изучение гаремного быта его обитательниц, особенностей местной проституции вызывает определенные трудности со сбором источников. Поэтому изобразительный материал — музейные фотоколлекции рассматриваемого периода — приобретают особую значимость.

Прежде в этнографической литературе не уделялось внимания одному из социальных явления в традиционной культуре народов Востока — существованию бачей. Анализ содержания фотоколлекций МАЭ в сочетании с другими документальными источниками обнаружил ряд вопросов, связанных с существованием этого института, с особенностями отбора и подготовки бачей, с представлениям о них в социальном и мировоззренческом аспектах. Представленная статья — это лишь первый шаг в исследовании затронутой проблемы.

Комплексное изучение источников позволяет высказать предположение о возможном родстве данного явления культуры с актерскими исполнительскими группами. Материалы иллюстративных коллекций свидетельствуют, что у народов Памира также существовал танец бачи, но в оформлении его одежды необязательно присутствовали атрибуты женского костюма. Музейные коллекционные снимки, касающиеся бачей, опровергают общепринятое мнение о том, что бачебазм существовал на территории Средней Азии до начала колониального периода (был запрещен в административном порядке). Эти материалы зафиксировали танец бачи, который сохранился в среде «кочевых иранцев» до 1930-х годов (они в 1920-е годы появились на территории Туркменской ССР с пограничных с Афганистаном земель).

Для продолжения дальнейшего углубленного исследования проблем, связанных с социальной дифференциацией, эротическими обычаями и сексуальным поведением в традиционной культуре, необходим более полный анализ на основе дополнительных фактических данных по этнографии, социологии, социальной психологии и других смежных дисциплин народов Центральной Азии.

¹ Работа выполнена при поддержке фонда «Евразия».

² Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972.

³ Фрили Дж. Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004; Круг Дж. История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004.

⁴ Верещагин В.В. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883.

⁵ Шишов А. Сарты // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1904. Кн. XI. С. 109.

⁶ Колл. 255 – 279. Домашние и уличные костюмы сартянок. Н. Ордэ. 1894.

⁷ Обручев В. По Бухаре // Север. СПб., 1890. № 17-24. С. 470.

⁸ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. СПб., 1887. С. 117.

⁹ Пещерева Е.М. Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. М.; Л., 1954. Т. 24. С. 150.

¹⁰ Пальванова Б.П. Эмансипация мусульманки. М., 1982. С. 7.

¹¹ Соколов В.Д. Москва — Самарканд. М., 1894. С. 51; Мусульманские училища в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. Ташкент, 1871. Ч. CLXXVI. Отд. 3.

¹² Клуг Дж. История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004. С. 147, 247.

¹³ Дониш А. История Мангитской династии. Душанбе, 1967. С. 76.

¹⁴ Табышалиева А. Отражение во времени. (Заметки к истории положения женщин Центральной Азии). Бишкек, 1998. С. 49.

¹⁵ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886 С. 242-243.

¹⁶ Колл. 512 – 142. Женские типы. Ош. Ферганская обл. Лютче. Конец XIX в.

¹⁷ Колл. 255 – 167. Бухарцы. Н. Ордэ. 1894.

¹⁸ Архив МАЭ РАН. Ф.к. 1. Оп. 1. № 842. Ф.Д. Люшкевич. Особенности этнической истории и этнографических черт культуры населения Бухарского оазиса. Рукопись диссертации. Л., 1976. С. 108-120.

¹⁹ Моравицкий С. О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской области // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1885. Т. XV. Вып. 2. С. 7.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же. С. 7.

²² Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872. С. 44.

²³ Крутье А.Л. Гарем. Царство под чадрой. М., 2000. С. 110-111.

²⁴ Колл. 255 – 125. Маргелан. Таджичка. Н. Ордэ. 1894.

²⁵ Колл. 255 – 128. Богатый наряд сартянки. Н. Ордэ. 1894.

²⁶ Харузин А. Киргизы Букеевской Орды. М., 1889.

²⁷ Узбеки в наших среднеазиатских владениях // Всемирный путешественник. СПб., 1871. № 11. С. 8.

²⁸ Колл. 255 – 126. Маргелан. Сартянки на своей половине. Н. Ордэ. 1894.

²⁹ Колл. 255 – 127. Сартянки. Н. Ордэ. 1894.

³⁰ Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 53.

В Самарканде и Бухаре также существовали совместные женские трапезы. Они объединяли 15–20 близких соседок. Отсутствуют сведения о том, случайно или по поводу каких-либо событий собирались их участницы. Известны описания девичников, которые собирали молодухи накануне замужества, либо собраний молодых жен, вышедших замуж в течение прошедшего года. Кроме того, совместные обеды устраивали своеобразные артели женщин для приготовления обрядовой пищи [Рахимов 1990: 54]. В.И. Массальский отмечал, что мужчины и женщины часто порознь посещали знакомых, преимущественно в праздники. Нередко они сходились на вечеринках и посиделках, особенно в зимнее время. Женщины и девушки, как и мужчины на своих *джура* (здесь: «общество друзей»), бывало, просиживали всю ночь [Массальский 1913: 401-402].

³¹ Колл. 255 – 113. Публичные женщины. Самарканд. Н. Ордэ. 1894.

³² Колл. 255 – 154. Кокандская ханша. Н. Ордэ. 1894.

³³ Клуг Дж. История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004. С. 128.

³⁴ Там же. С. 241-245.

³⁵ Мусульманские женщины // Иллюстрация. 1859. С. 261.

³⁶ Крутье А.Л. Гарем. Царство под чадрой. М., 2000. С. 121.

³⁷ Там же. С. 122.

³⁸ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 125.

³⁹ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего... Кокандского хана Худояр-хана // Ежегодник Ферганской области. 1903. Т. II. С. 92.

- ⁴⁰ Клуг Дж. История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004. С. 73, 80.
- ⁴¹ Крутые А.Л. Гарем. Царство под чадрой. М., 2000. С. 12.
- ⁴² Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 125.
- ⁴³ Там же. С. 111.
- ⁴⁴ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего... Кокандского хана Худояр-хана // Ежегодник Ферганской области. 1903. Т. II. С. 94.
- ⁴⁵ С. 72.
- ⁴⁶ Там же. С. 82.
- ⁴⁷ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 126-127.
- ⁴⁸ Крутые А.Л. Гарем. Царство под чадрой. М., 2000. С. 71.
- ⁴⁹ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего... Кокандского хана Худояр-хана // Ежегодник Ферганской области. 1903. Т. II.
- ⁵⁰ Алибеков М. Домашняя жизнь последнего... Кокандского хана Худояр-хана // Ежегодник Ферганской области. 1903. Т. II; Клуг Дж. История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004.
- ⁵¹ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 125.
- ⁵² Алибеков М. Домашняя жизнь последнего... Кокандского хана Худояр-хана // Ежегодник Ферганской области. 1903. Т. II.
- ⁵³ Фрили Дж. Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004. С. 188.
- ⁵⁴ Мусульманские женщины // Иллюстрация. 1859. С. 261.
- ⁵⁵ Одной из особенностей турецкого гарема являлось существование девичников в банях, которые могли рассматриваться как женские клубы [Клуг 2004: 120-121, 249].
- ⁵⁶ Коран запрещает кастрацию, поэтому лица, принадлежавшие к привилегированной касте евнухов, рекрутировались главным образом из числа иностранцев и в принудительном порядке обращались в ислам после операции. В действительности те, кого кастрировали и превращали в мусульман, воспринимали это как большую удачу, так как эта профессия считалась престижной. За короткий срок они добивались могущества и богатства, чем если бы занимались торговлей или служили в армии [Клуг 2004: 82].
- ⁵⁷ Борнс А. Путешествие в Бухару. СПб., 1850. Кн. 2. С. 394.
- ⁵⁸ Череванский В. Две волны. СПб., 1898. Ч. 2. С. 328.
- ⁵⁹ Клуг Дж. История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004. С. 124.
- ⁶⁰ Колл. 255 – 295. Сартянки и бача. Коканд. Н. Ордэ. 1894.
- ⁶¹ Приложение к «Новое время». 1893. № 153.
- ⁶² Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 44.
- ⁶³ Средняя Азия. Ташкент, 1910. Кн. 1. Январь. С. 19.
- ⁶⁴ Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. СПб., 1887. С. 142.
- ⁶⁵ Там же. С. 175.
- ⁶⁶ Верещагин В.В. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883 С. 54.
- ⁶⁷ Там же. С. 58.
- ⁶⁸ Колл. 255–286. «Бачи» и их поклонники. Ташкент. Н. Ордэ. 1894.
- ⁶⁹ Духовская В. Туркестанские воспоминания. СПб., 1913. С. 71.
- ⁷⁰ Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 44.
- ⁷¹ Там же. С. 25–26.
- ⁷² Там же. С. 46.
- ⁷³ Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX-XX вв. Душанбе, 1993. С. 46; Пещерева Е.М. Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 24. М.;Л., 1954. С. 142.
- ⁷⁴ Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 44.
- ⁷⁵ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 123.

- ⁷⁶ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886 С. 242-243.
- ⁷⁷ Абд — Ур — Рауф. Рассказы индийского путешественника. Самарканд, 1913. С. 18.
- ⁷⁸ Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке. Пгр., 1915. С. 26.
- ⁷⁹ Никольский М.Э. Благородная Бухара. СПб., 1903. С. 30.
- ⁸⁰ Колл. 512 – 146. Пляска мальчика-бачи. Ферганская обл. Лютче. Конец XIX в.
- ⁸¹ Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 66-67.
- ⁸² Фрили Дж. Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск, 2004. С. 182.
- ⁸³ Там же. С. 188.
- ⁸⁴ Там же. С. 309-310.
- ⁸⁵ Ремпель Л.И. Далекое и близкое. Ташкент, 1981. С. 68.
- ⁸⁶ Там же. С. 68.
- ⁸⁷ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 122.
- ⁸⁸ Там же. С. 123.
- ⁸⁹ Масальский В.И. Россия. Туркестанский край. СПб., 1913. Т. XIX. С. 401-402.
- ⁹⁰ Средняя Азия. Ташкент, 1910. Кн. 1. Январь. С. 75.
- ⁹¹ Лев-Старович З. Секс в культурах мира. М., 1991. С. 73.
- ⁹² Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972.
- ⁹³ Лев-Старович З. Секс в культурах мира. М., 1991. С. 134-139.
- ⁹⁴ Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 56.
- ⁹⁵ Лев-Старович З. Секс в культурах мира. М., 1991. С. 72.
- ⁹⁶ Там же. С. 57-58.
- ⁹⁷ Тэннэхилл Р. Секс в истории. М., 1995. С. 85.
- ⁹⁸ Там же. С. 85-87.
- ⁹⁹ Там же. С. 72–79.
- ¹⁰⁰ Лев-Старович З. Секс в культурах мира. М., 1991. С. 58, 68, 73, 166, 170 и др.
- ¹⁰¹ Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 122.
- ¹⁰² Хайям Омар. Хафиз. Рубай. Газели. М., 2004. С. 246-250.
- ¹⁰³ Там же. С. 249.
- ¹⁰⁴ Гер-оглы. Туркменский героический эпос. М., 1983.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 469, 272.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 464, 256.
- ¹⁰⁷ Маев П. Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1876. Вып. IV. С. 276.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 277.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 277.
- ¹¹⁰ Там же. С. 277.

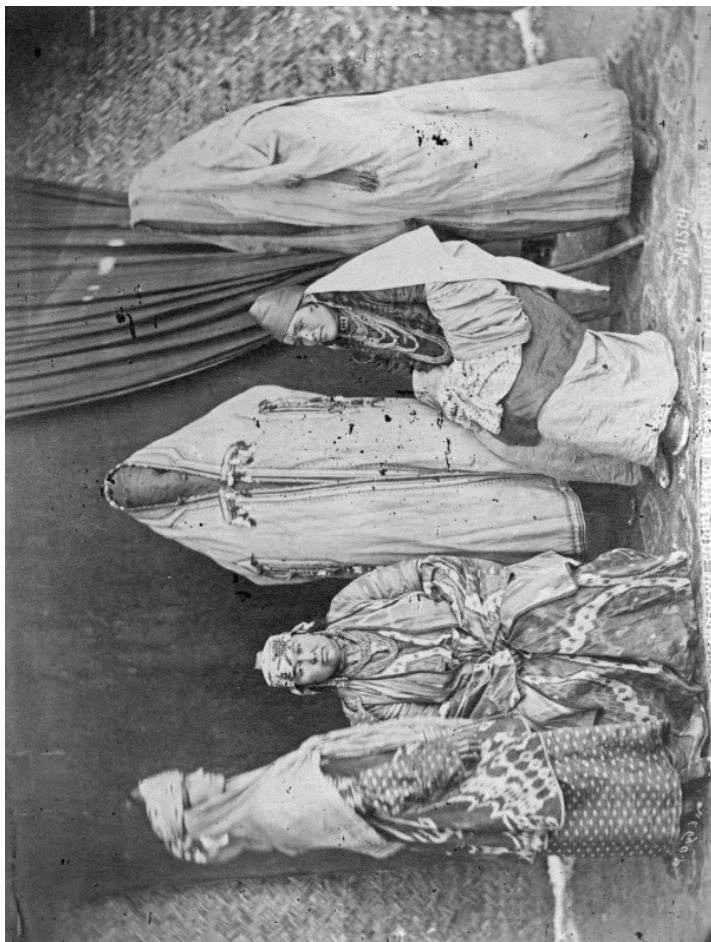

Рис. 1. Домашние и уличные костюмы сарьянок. Н. Ордж. 1894 г.
(МАЭ. Колл. № 255-279)

Рис. 2. Женские типы. Ош. Лютче. Ферганская область.
Начало XX в. (МАЭ, Колл. № 512-142)

Рис. 3. Бухарцы. Н. Ордэ. 1894 г. (МАЭ. Колл. № 255-167)

Рис. 4. Таджичка. Маргелан. Н. Ордэ. 1894 г.
(МАЭ. Колл. № 255-125)

Рис. 5. Богатый наряд сарятки. Н. Ордэ. 1894 г.
(МАЭ. Колл. № 255-128)

Рис. 6. Сарянки на своей половине. Маргелан Н. Ордэ. 1894 г.
(МАЭ. Колл. № 255-126)

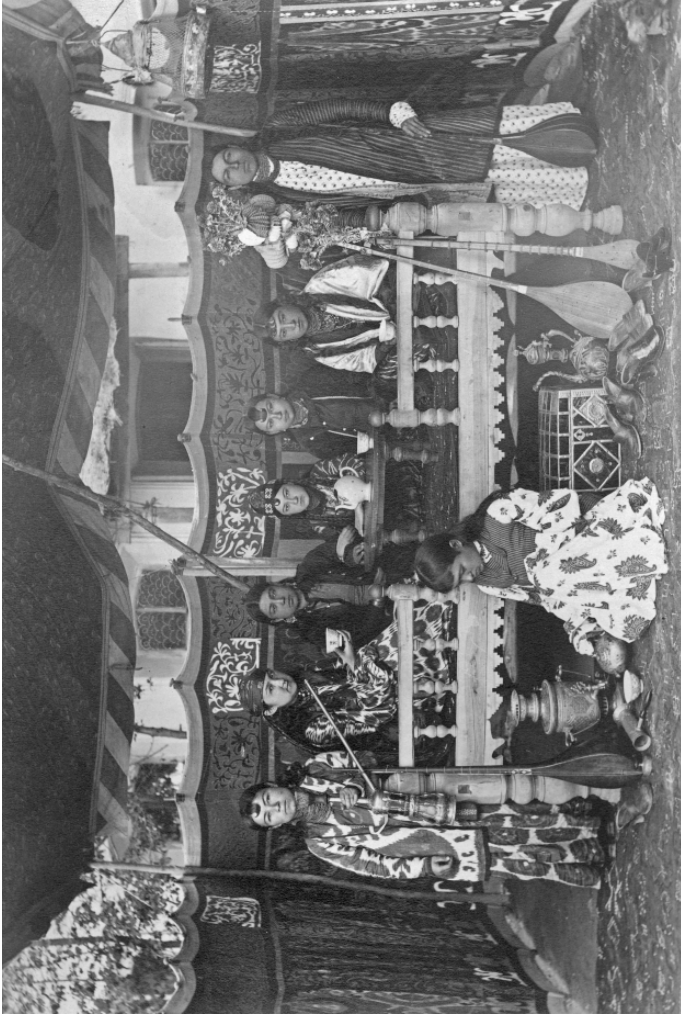

Рис. 7. Сартянки. Н. Ордэ. 1894 г. (МАЭ. Колл. № 255-127)

Рис. 8. Публичные женщины. Самарканд. Н. Орда. 1894 г. (МАЭ, Колл. № 255-113)

Рис. 9. Кокандская ханша. Н. Ордэ. 1894 г.
(МАЭ. Колл. № 255-154).

Рис. 10. Коканд, Сарянки и бача. Н. Ордэ. 1894 г.
(МАЭ. Колл. № 255-295)

Рис. 11. Ферганская область. Люгче. Пляска мальчика-бачи
(МАЭ. Колл. № 512-146)

Рис. 12. Бачи и их поклонники. Ташкент. Н. Ордэ. 1894 г.
(МАЭ. Колл. № 255-286)